
Дмитрий Кулаков
«Танцующий в огне»

Дмитрий Кулаков
«Танцующий в огне»

https://litres.ru/74745992
SelfPub; 2026

Аннотация

Он родился в картонной коробке, где единственным чудом была танцующая в луче света пылинка. Но мир за пределами стен оказался жесток: он узнал цену ледяной воды, вкус крови врага и боль ожогов.

Это история черного кота с белым пятном на ухе, который отказался быть просто домашним питомцем. Чтобы выжить, ему пришлось стать королем. Он прошел путь от замерзшего котенка до безжалостного вожака стаи, чье имя пугало бродячих псов и людей. Он заплатил за свою территорию клыками, шрамами и собственной душой.

«Закон сорока пяти глав» — это не сказка о животных. Это мрачная, глубокая притча о власти, одиночестве и той тонкой грани, где заканчивается выживание и начинается легенда. Узнайте, какую цену нужно заплатить, чтобы однажды просто погреться на солнце.

Содержание

Глава 1. Тепло 4
Глава 2. Свет 6
Глава 3. Гравитация 9
Глава 4. Эхо 12
Глава 5. Зубы 15
Глава 6. Предел 18
Глава 7. Тень 22
Глава 8. Гравитация снаружи 25
Глава 9. Солнце бьет наотмашь 29
Глава 10. Закон поленницы 33
Глава 11. Цена крови 37
Глава 12. Под крыльцом 42
Глава 13. Границы 46
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Дмитрий Кулаков «Танцующий в огне»

Глава 1. Тепло

Первое, что он почувствовал, — это не свет и не звук. Первым было тепло. Густое, вибрирующее, пахнущее молоком, сухой травой и чем-то незыблемым, материнским.

Он был слеп, глух и совершенно не умел управлять собственным телом, но он точно знал, что такое счастье. Счастье — это когда твой крошечный нос утыкается в мягкий, пахнущий железом живот, и ты находишь то единственное, ради чего появился на свет. Счастье — это когда шершавый язык матери проходит по твоей макушке, вылизывая слипшуюся шерстку, и ты проваливаешься в дрему, наполненную гулом ее сердца.

Его звали еще никак. Для матери он был просто «тот, что с белым пятном на ухе». Для большого мира, который пока существовал только как смена температур на его коже, он был чистым потенциалом.

Мир за пределами их картонной коробки в старой кладовке на окраине города жил своей жизнью. Там шумели шины по мокрому асфальту, кричали вороны и пахло бензином. Но внутри коробки время текло иначе. Оно измерялось

не часами, а ударами четырех крошечных сердец, синхронно бьющихся в унисон с материнским.

Он был первым, кто родился в этом помете, и первым, кто открыл для себя главную истину этого мира: жизнь — это не борьба за выживание, которая начнется потом. Жизнь — это и есть этот самый момент. Момент, когда ты, еще не имеющий позвоночника для твердой походки, уже абсолютно уверен, что вселенная создана исключительно для твоего комфорта.

Он пискнул, требуя добавки, и снова припал к источнику жизни. Он не знал, что его мать — бездомная кошка, что кладовка принадлежит угрюмому дворнику, а белое пятно на его ухе однажды спасет ему жизнь. Он знал только одно: ему тепло, он сыт, и ритмичное мурчание над его головой — это самая прекрасная музыка во вселенной.

И в этой абсолютной, ничем не замутненной радости он и уснул, подергивая во сне мягкими лапками.

Глава 2. Свет

До этого момента мир для него был набором ощущений. Тепло сменялось прохладой, когда мать вставала размять затекшие лапы. Вибрация мурчания переходила в глухую пустоту, когда он случайно откатывался слишком далеко в угол коробки. Но все это было внутри.

А потом пришел свет.

Это случилось не сразу. Сначала сквозь сомкнутые веки, которые до этого казались ему просто частью мордочки, начало пробиваться нечто тревожное. Оно пульсировало, становясь то ярче, то тусклее в такт шагам дворника над головой. Оно было красным, когда сквозь щель в двери кладовки заглядывало закатное солнце, и серым, когда начинался дождь.

В одно утро инстинкт, древний и неумолимый, заставил его разлепить веки. Мир дернулся, резанул по нежной сетчатке тысячей крошечных иголок, и котик испуганно пискнул, утыкаясь носом в материнский бок. Запахло страхом и молоком.

Но свет оказался настойчивым.

Прошло еще два дня, и пелена спала окончательно.

Первое, что он увидел, — это не дворник, не стены кладовки и даже не собственные лапки. Он увидел пылинку. Одну-единственную, крошечную золотую пылинку, которая ви-

села в косом луче солнца, пробившемся из-под крыши. Она не падала. Она танцевала. Она медленно поворачивалась вокруг своей оси, вспыхивая то одной, то другой гранью, словно крошечная, ленивая звезда, заблудившаяся в человеческом мире.

Котик замер. Его крошечный мозг, до этого занятый только формулой «сосать — спать — греться», впервые столкнулся с чудом, которое нельзя было съесть. Он завороженно следил за ней, склонив голову набок. Пылинка поднялась чуть выше, подхваченная сквозняком, и котик, забыв обо всем, неуверенно приподнялся на разъезжающихся лапках.

Его глаза, еще мутные и голубоватые, фокусировались на этом золотом пятнышке. В них не было мысли, только чистейшее, незамутненное созерцание. Он смотрел на пылинку так, как не смотрел ни один философ на самые великие звезды. Для него эта танцующая в луче соринка была центром вселенной.

Мать, услышав его писк, ткнулась носом в его бок, призывая вернуться к еде. Но котик лишь недовольно отмахнулся от нее мягкой, еще неуклюжей лапкой, не отрывая взгляда от света. Он впервые сделал выбор. Выбор между сытостью и чудом.

Рядом копошились его братья и сестры. Один, самый бойкий, уже пытался жевать край старого шерстяного одеяла. Другой, самый слабый, жалобно пищал, ища сосок. А он, первенец с белым пятном на ухе, постигал гравитацию и

аэродинамику, глядя на то, как невидимый воздух управляет движением золотого пылинки.

В этот момент он перестал быть просто слепым комком инстинктов. Он стал зрячим.

А пылинка, покружившись в луче еще мгновение, плавно опустилась прямо ему на нос. Мир снова стал осязаемым. Котик громко чихнул, сдувая свою первую звезду, и чих прозвучал в тихой кладовке как торжественный салют в честь начала его настоящей жизни.

Глава 3. Гравитация

Если свет был чудом, которое нельзя съесть, то собственное тело оказалось чудом, которое постоянно подводило.

После того как котик открыл глаза, он решил, что раз он теперь все видит, то обязан это все исследовать. Золотая пылинка исчезла, растворившись в полумраке, но луч солнца продолжал лежать на сером шерстяном одеяле толстой, теплой гусеницей. И эта гусеница манила его.

Мать в этот момент отвлеклась на вылизывание второго котенка. Коробка была в безопасности. Котик, пыхтя от собственной решимости, оторвался от теплого бока.

Первый шаг был триумфом. Его передняя правая лапка послушно согнулась, вытянулась и коснулась одеяла. Она тут же запуталась в шерсти, но котик этого не заметил. Он перенес вес.

Вторая лапка последовала за первой. А вот задние, похоже, не получили вовремя сообщение от мозга. Они остались стоять на месте, пока передняя часть котика решительно двинулась вперед.

Он почувствовал это не сразу. Сначала просто стало неудобно. Его живот, до этого уютно покоившийся на твердом полу, вдруг натянулся. Котик удивленно посмотрел вниз. Он увидел свои задние лапы, которые торчали позади него, все еще надежно стоя в картонной коробке. А его го-

лова и передние лапы уже почти достигли солнечного пятна. Он напоминал маленькую, очень удивленную букву «Г».

Гравитация сработала безотказно.

Связка в животе жалобно тренькнула, и котик рухнул. Но не просто упал на бок. Поскольку его передние лапы намертво вцепились в одеяло, а задние все еще стояли в коробке, он совершил в воздухе неуклюжий, но полный достоинства кувырок. Он перекувыркнулся через собственную голову, взмахнув в воздухе коротким хвостом-прутиком, и приземлился на спину, разбросав лапы в разные стороны.

Секунду он лежал, ошарашенно глядя в дощатый потолок кладовки. Мир перевернулся. Солнце теперь было снизу, а запахи матери и подстилки — где-то далеко наверху. Это было второе великое открытие за сегодняшний день: оказывается, можно смотреть на мир не только прямо, но и вверх ногами, и это тоже очень интересно.

Но долго разлеживаться было некогда. Солнечный луч на одеяле никуда не делся.

Котик тяжело вздохнул, подтянул под себя разъезжающиеся лапки и снова пополз. На этот раз он действовал хитрее. Он не стал отрывать задние лапы. Он подтягивал все тело к передним, а потом, кряхтя, переставлял задние, упираясь ими в воздух, словно маленький пловец. Это было медленно, это требовало колоссальных усилий, но это работало.

Он полз к солнцу. Его белая грудка и пятно на ухе были измазаны в серой пыли от одеяла, но он упрямо двигался

вперед. И когда до вожделенного тепла оставалось всего пара сантиметров, он наконец догнал свою цель.

Его живот тяжело плюхнулся прямо в центр солнечного пятна. Тепло, которое раньше он получал только от матери, теперь шло от самого пола. Оно пахло пылью, сухим деревом и чем-то неуловимо чужим, но невероятно приятным.

Котик перевернулся на бок прямо в луче, подставив свету свой мягкий живот. Он закрыл глаза, впервые греясь не в объятиях, а в объятиях самого мира. Он был мокрым, уставшим и абсолютно счастливым. Он покорил гравитацию. Он догнал свет. И теперь этот свет принадлежал ему.

Глава 4. Эхо

До этого дня мир звучал для него как глухой, вибрирующий гул. Он чувствовал басы — тяжелые шаги дворника над головой, от которых дрожал картонный пол коробки. Он чувствовал высокие, острые ноты — пронзительный писк голодных братьев, от которого хотелось плотнее прижать уши. Но он не знал, что у звуков есть направление, цвет и длина. Он не знал, что мир умеет разговаривать.Это случилось, когда мать, оставив их дремать в остывающем солнечном пятне, бесшумно скользнула к щели под дверью. Она долго принюхивалась, ее бока втягивали запахи улицы — мокрого асфальта, прелых листьев и чужой свободы. А потом она прыгнула.Она не упала. Она приземлилась на четыре лапы где-то там, в невидимом, но пахнущем мире. И в ту же секунду кладовка перестала быть глухой. Звук пришел не снаружи, а словно родился прямо из-под пола. Это было «Мр-р-р». Но не то уютное, вибрирующее мурчание, которым мать убаюкивала их. Это был звук-предупреждение. Низкий, раскатистый, он ударился о картонные стены, отразился от старых банок с соленьями на полках и вернулся к котику уже измененным — с металлическим привкусом. Это было эхо.Котик вскинул голову. Его уши, до этого похожие на смятые лос-

кутки кожи, вдруг напряглись и сами собой поехали вверх и в стороны, разворачиваясь, как два маленьких локатора. Он впервые понял, что уши нужны не только чтобы ими трясти. Снаружи донеслось еще одно «Мяу». На этот раз — требовательное, высокое. Мать отвечала кому-то невидимому. Внутри коробки четверо котят проснулись от перемены давления. Самый бойкий, тот, что жевал одеяло, тут же пополз к выходу, намереваясь продолжить свои исследования. Но котик с белым пятном на ухе его опередил. Он не пополз — он рванул, впервые скоординировав все четыре лапы в едином порыве. Ему нужно было знать, с кем там, за дверью, говорит его мать. Он добежал до щели. Нос, привыкший к запахам молока и шерсти, опалило холодным сквозняком. Котик припал к полу, просунул любопытную мордочку в темноту под дверью и замер.Звук ударил по нему со всей силы. Это был не голос матери. Это был голос огромного, пустого мира. В нем скрипнула старая ветка на дереве у крыльца. В нем хлопнула где-то далеко дверь подъезда. В нем зашуршали шины по луже — звук был похож на то, как если бы быстро-быстро провести когтем по стеклу, только мягче и протяжнее. И над всем этим стоял главный звук — ровный, бесконечный, вибрирующий гул. Он шел отовсюду: с неба, от земли, от стен. Он не имел источника, но заполнял собой все пространство. Котик никогда не слышал тишины, потому что до этого момента не знал шума. Он отпрянул назад в коробку, больно ударившись пятном на ухе о край картона.

Сердце колотилось где-то в горле. Мир оказался не просто теплым и светлым. Он оказался оглушительно громким. Братья, напуганные его резким движением, сбились в дрожащий комок в углу. А котик остался лежать у самой щели, положив голову на лапы. Его усы подрагивали. Он смотрел в темноту под дверью и впервые в жизни не радовался. Радость требовала простора, а простор пугал. Оказывается, быть счастливым в коробке было так легко именно потому, что картонные стены надежно отсекали этот страшный, гудящий, бесконечный голос большого мира. Но любопытство, этот новый, зудящий инстинкт, уже победило страх. Он снова придвинулся к щели. Гул не стал тише. Но теперь, прислушавшись, котик различил в нем обертоны. Где-то в его глубине пряталось чириканье воробья, далекий человеческий смех и тихий звон капель, срывающихся с ржавой водосточной трубы. Мир не просто орал. Мир пел. И котик с белым пятном на ухе, сам того не понимая, начал запоминать эту мелодию.

Глава 5. Зубы

Счастье — вещь хрупкая. Котик понял это, когда попытался поцеловать мать.

Она вернулась под утро, пахнущая не молоком, а сырым мясом и осенней грязью. От нее пахло победой. Мать принесла с улицы добычу — полуживую, еще теплую полевую мышь, чтобы показать детям, как выглядит настоящая еда. Но котята были слишком малы. Мышь их не впечатлила, а вот вернувшаяся, пахнущая свободой мать — очень.

Котик, соскучившись, боднул ее головой в подбородок. Это был жест абсолютного доверия и любви. Он хотел потереться о ее шею, почувствовать знакомый запах, который означал, что вселенная снова в порядке. Он широко открыл рот, чтобы привычно захватить складку ее кожи и мять ее лапками, выпуская и втягивая когти.

Но вместо привычного мягкого захвата рот наполнился болью.

Что-то острое, белое и чужое вонзилось ему в нижнюю десну. Боль была такой пронзительной, что котик взвизгнул, отскочил от матери и закружился на месте, пытаясь выплюнуть собственную пасть. Он ударился боком о стенку коробки. Из глаз брызнули злые, непрошеные слезы.

Мать тут же оказалась рядом. Она обнюхала его мордочку, обеспокоенно ткнулась носом в его подбородок. Котик

жалобно пискнул и снова открыл рот, демонстрируя обиду.

И мать успокоилась. Она не стала его вылизывать. Вместо этого она легла на бок, задрала верхнюю губу и показала ему свои зубы.

Котик замер, перестав трясти головой. Там, где еще вчера была сплошная розовая младенческая десна, теперь торчали две тонкие, острые, как иголки, белые иглы. Клыки. Они были слишком длинными для его крошечной пасти и торчали чуть вперед, из-за чего его подбородок смешно выдавался, придавая ему вид маленького, очень рассерженного старичка.

Он осторожно, кончиком языка, коснулся одной из них. Она была гладкой, холодной и твердой. Совсем не похожей на мягкий язык или бархатный нос.

Это было третье великое открытие. Оказывается, тело не только ползет за светом и слушает эхо. Оно еще и растет изнутри, причиняя боль. Мир не просто давал ему глаза и уши — он перестраивал его изнутри, выталкивая молочные зубы, чтобы освободить место для чего-то большего. Для охоты. Для защиты. Для того, чтобы однажды он смог съесть не только молоко, но и ту самую полуживую мышь.

Боль в десне пульсировала в такт его сердцу. Котик был обижен на весь свет. Он лег в углу коробки, подальше от радостно копошащихся братьев, и горестно засунул лапу в рот, пытаясь придержать непослушную челюсть.

Но потом мать подтолкнула к нему носом принесенную

мышь. Она была еще теплой. Котик, забыв про свои клыки, подполз ближе. Он ткнулся носом в серый мех. Запах был резким, диким, железным.

Он открыл рот, чтобы привычно пискнуть, и тут же сморщился — иглы в десне снова кольнули. Но на этот раз он не отпрянул. Он сжал челюсти.

Клыки сомкнулись на холодном, жестком крыле мыши. Боль от прокушенной десны смешалась с хрустом тонкого перышка. И в этот момент вкус молока во рту котика впервые изменился. К сладкому, знакомому с рождения вкусу примешался новый, солоноватый, металлический оттенок.

Котик выпустил крыло, облизнулся и посмотрел на свои лапы. Он больше не был беззубым младенцем. У него появились зубы. А значит, правила игры только что изменились.

Глава 6. Предел

Стены, которые всю жизнь казались ему защитой, однажды стали тюрьмой.

Котик с белым пятном на ухе давно перерос свою картонную коробку. Если в первые недели она была для него размером с целую вселенную, то теперь она превратилась в тесный, пахнущий плесенью пенал. Его лапы, ставшие неожиданно длинными и угловатыми, постоянно путались в складках старого одеяла. Он больше не мог свернуться в ней уютным калачом — приходилось спать, вытянувшись в струну, упираясь пятнистым ухом в одну стенку, а хвостом — в другую.

Голод тоже изменился. Молока матери уже не хватало, чтобы заполнить этот стремительно растущий костлявый каркас. Острые клыки требовали настоящей работы, а не мягкой плоти. Котик смотрел на мышь, которую мать приносила теперь почти каждый день, и чувствовал не детский восторг, а сосущую, взрослую пустоту в животе.

В то утро дворник пришел раньше обычного. Сквозь щель под дверью потянуло кислым запахом табака и мокрой резины. Котик, дежуривший у выхода, замер. Он уже знал этот ритуал: тяжелые шаги, скрип ведра, и затем — рука.

Рука дворника никогда не была ласковой. Она пахла железом, землей и раздражением. Но сегодня в ней была газе-

та. Дворник скомкал ее и бросил на пол кладовки, подняв облако едкой пыли. Котик чихнул, и в этот момент рука опустилась в коробку.

Она не стала гладить. Пальцы, похожие на толстые сосиски, безошибочно нашли шкирку котика.

Для любого котенка это — самый надежный хват в мире. В нем нет угрозы, только первобытная память о том, как мать переносит тебя в безопасное место. Но котик вдруг понял, что он слишком тяжел. Тело, которое он с таким трудом учился координировать, повисло в воздухе бесполезной, сопротивляющейся гирей.

— Ишь ты, вымахал, — пробурчал дворник, разглядывая его на свету. — Пора от тебя избавляться, дармоед.

Слово было незнакомым, но интонация — ясной. В ней не было тепла.

Дворник понес его не к выходу на улицу, а к старой оцинкованной раковине в углу, из которой капала ржавая вода. Он открыл кран.

На котика обрушился ледяной ад.

Струя холодной воды ударила по спине, мгновенно промочив шерсть до самой кожи. Тепло, которое он так бережно копил в себе, вытекло за секунду. Мир перестал быть добрым. Воздух кладовки, который всегда казался ему просто прохладным, теперь резал легкие, как стекло. Вода заливала уши, лишая его слуха, текла в нос, заставляя захлебываться собственным писком.

Дворник не просто купал его. Он смывал с него запах дома, запах матери, запах его прежней жизни. Хозяйственное мыло жгло глаза, выжигая только что обретенный свет. Котик бился, как та самая полуживая мышь, царапая когтями мокрый фаянс. Его пятнистое ухо, символ его уникальности, было теперь просто мокрым, жалким комком кожи. Он был абсолютно беспомощен.

Когда экзекуция закончилась, дворник грубо обернул его старым вафельным полотенцем. Ткань показалась котику самой грубой вещью на свете, сотканной из наждачной бумаги. Его трясло так, что стучали зубы.

Его вернули в коробку. Но коробки больше не было.

Мокрая шерсть не грела. Картон, впитавший влагу, стал ледяным и пах гнилью. Братья, сухие и теплые, испуганно отодвинулись от него, пахнущего мылом и чужаком. Мать лишь раздраженно фыркнула и принялась вылизывать себя — она не могла тратить драгоценное тепло на этого большого, глупого котенка, который позволил себя намочить.

Котик забился в самый холодный угол. Его трясло. Впервые в жизни он не радовался. Впервые тепло не было данностью, подарком от мира. Тепло нужно было добывать. Удерживать.

Он свернулся в самый тугой комок, на который только были способны его длинные суставы, спрятав нос в живот. Он дрожал, и эта дрожь больше не была дрожью новорожденного. Это была дрожь существа, которое заглянуло за край сво-

ей защиты и поняло, что снаружи — не только солнечный свет и танцующие пылинки. Снаружи — ледяная вода, равнодушные руки и необходимость выживать.

Его детство, беззубое и счастливое, закончилось в мокрой картонной коробке. Предел был пройден.

Глава 7. Тень

К вечеру шерсть высохла, но внутренний холод остался. Котик лежал, слушая, как за дверью сгущаются настоящие, уличные сумерки. Теперь он знал, что темнота — это не просто отсутствие света. Это время, когда мир становится громче и опаснее.

Именно в сумерках он увидел ее.

Она появилась на дальней стене кладовки, там, где старая печь-голландка отбрасывала свой неровный рельеф. Сначала это было просто темное пятно. Но потом пятно дрогнуло. Оно отделилось от стены, вытянулось, приобрело уши, длинный хвост и четыре лапы.

Это была тень. Но не его собственная — его тело лежало в коробке, скрытое от тусклой лампочки. Это была чужая, огромная тень. Она принадлежала матери, которая в этот момент бесшумно спрыгнула с полки.

Но котик этого не знал.

Для него это было чудовище. Оно было чернее самой ночи, оно двигалось плавно и беззвучно, оно не имело запаха, но имело форму. Форму идеального хищника.

Инстинкт сработал раньше разума. Котик забыл про дрожь, про мокрую шерсть и обиду на дворника. Его позвоночник выгнулся дугой, шерсть на загривке встала дыбом, превращая его в комок ощетинившихся игл. Хвост распу-

шился и стал толще его собственной лапы. Из его груди вырвался звук, который он сам от себя не ожидал — низкий, вибрирующий рык, в котором смешались страх и вызов.

Тень на стене замерла.

Котик прижался к самому дну коробки, не сводя глаз с чудовища. Он зашипел, обнажив свои новые, острые клыки. Он бросал вызов стене. Он обещал драться до последнего вздоха, если эта черная химера посмеет спуститься со стены и войти в его картонный дом.

Мать, услышав шипение, обернулась. Она увидела вздыбленного, дрожащего сына, который вел войну с пустотой. Она тихо, гортанно мурлыкнула — звук, который на кошачьем языке означал «здесь безопасно».

Она сделала шаг в сторону.

Ламочка под потолком мигнула от сквозняка, и тень на стене сдвинулась. Она скользнула по трещинам в штукатурке, перепрыгнула на старый веник и поползла прямо к коробке.

Это было невыносимо. Котик был готов выпрыгнуть наружу и вцепиться в это ничто всеми четырьмя лапами. Он собрал всю свою волю, весь страх и всю боль от ледяной воды в один комок. Он прыгнул.

Но прыгнул он не со дна коробки. Он прыгнул вертикально вверх, отталкиваясь от картонной стенки.

Его передние лапы, выпустив когти, ударили не по стене, а по воздуху в нескольких сантиметрах от нее. Он завис на

мгновение, нелепо болтая задними лапами, и рухнул обратно в одеяло, подняв облако пыли.

В этот момент мать снова шагнула.

Тень на стене повторила ее движение, но теперь она не шла к коробке. Она скользнула по полу, обогнула порог и... растворилась в щели под дверью, уходя на улицу вслед за хозяйкой.

Котик лежал на спине, тяжело дыша. Его сердце колотилось где-то в горле. Он проиграл. Чудовище не испугалось его шипения. Оно просто ушло охотиться в большой мир.

Он перевернулся на живот и подполз к щели. Оттуда пахло осенней ночью. Там, в темноте, его тень — его собственная, которую он до этого почти не замечал — ждала его, длинная и бесформенная. Она была его единственным союзником в этом огромном, полном чудовищ мире.

И котик с белым пятном на ухе впервые понял: чтобы не бояться теней снаружи, нужно сначала подружиться с той, что всегда следует за тобой.

Глава 8. Гравитация снаружи

Коробка перестала быть домом в тот момент, когда перестала быть крепостью. Холодная вода дворника смыла не только тепло, но и иллюзию безопасности. Стены из картона больше не казались надежной границей между ним и миром теней. Теперь они давили.

Этим утром мать вела себя иначе. Она не стала запрыгивать внутрь, чтобы покормить их. Она легла на живот прямо у порога коробки, просунув голову внутрь, и ее живот оказался на уровне глаз котика. Это было приглашение. Выходи или оставайся голодным.

Братья, толкаясь и пища, ринулись вперед. Котик с белым пятном на ухе медлил. Он подошел к самому краю, где истрепанный картон встречался с пыльным полом кладовки. Там, за невидимой чертой, начиналась чужая территория.

Он выставил вперед одну лапу. Подушечки коснулись не мягкого одеяла, а шершавой, влажной от утренней сырости доски пола. Дерево было ледяным. Оно не пружинило и не грело. Оно просто было — твердое, равнодушное и огромное.

Котик перенес вес.

Гравитация, с которой он так забавно боролся внутри коробки, здесь оказалась совсем другой. Она больше не играла с ним, позволяя кувыркаться. Она вцепилась в него мерт-

вой хваткой. Его лапы, привыкшие к мягкому ворсу, разъехались на грязном полу. Он почувствовал себя не грациозным хищником, а неуклюжим насекомым, перевернутым на спину.

Чтобы не ударить пятнистое ухо о порог, он неловко упал на бок. Прямо перед его носом остановилась огромная, как лопата, материнская лапа. Мать недовольно фыркнула, подтолкнула его носом, заставляя встать, и подтолкнула к себе.

Молоко больше не текло само. Теперь это была работа. Котику пришлось тянуться, балансировать на разъезжающихся задних лапах и буквально карабкаться на мать, чтобы найти сосок. Он чувствовал запах земли и железа, исходящий от ее шерсти. Это был вкус улицы.

Пока он, пыхтя, пытался удержать равновесие, его взгляд случайно упал вниз, под себя.

Там, на грязном полу, двигалось еще одно существо.

Оно было похоже на него, но выглядело изломанным и неправильным. У него была такая же белая грудка, такой же тонкий хвост, но... у него не было головы. Вместо нее из плеч росла какая-то бесформенная клякса. Когда котик поворачивал голову, клякса тоже поворачивалась, но с задержкой, искажая пропорции. Когда котик поднял лапу, у существа поднялась лапа, но она была плоской, как блин, и прилипла к полу.

Котик замер. Он забыл о молоке. Он медленно, очень медленно поднял правую переднюю лапу. Существо внизу сде-

лало то же самое. Котик наклонил голову набок. Существо издевательски склонило свою плоскую голову.

Это было страшнее, чем тень на стене. Тень была просто чернотой. А это было его уродливое, плоское подобие.

Котик зашипел. Существо зашипело в ответ, обнажив клыки, которых у него на самом деле не было.

Оскорбленный до глубины души, котик решил наказать наглеца. Он собрался в комок и, вложив в удар всю обиду на ледяную воду и жесткий пол, ударил лапой по полу.

Лапа прошла сквозь существо, не встретив сопротивления, и с громким шлепком ударила по грязной доске. Боль от удара отдалась в запястье. Существо внизу даже не шелохнулось, оно лишь издевательски расплющилось от удара лапы, а затем снова приняло форму котика.

В этот момент мать, устав держать на себе тяжелого сына, встала. Молоко исчезло. Мир снова стал холодным.

Котик остался сидеть один посреди кладовки, глядя на своего двойника. Он был мокрым, голодным и преданным собственным отражением. Он понял третью великую истину этого дня: пол — это не дно коробки. Пол — это бесконечная пустота, над которой ты стоишь на четырех тонких щепках, и единственное, что удерживает тебя от падения в никуда — это постоянное, изматывающее напряжение мышц.

Он поднял глаза. Дверь в кладовку была приоткрыта. За ней виднелся прямоугольник слепящего, смертельно опасного, но невыносимо притягательного дневного света. И там,

в этом свете, не было никаких плоских чудовищ. Там были настоящие, объемные вещи.

Котик переступил с лапы на лапу. Доски под ним предательски скрипнули. Он глубоко вдохнул запахи улицы и сделал первый самостоятельный шаг за пределы своего картонного детства. Гравитация потянула его вниз, но он заставил себя шагнуть вперед.

Глава 9. Солнце бьет наотмашь

Двор в октябре — это не лужайка для игр. Это зона боевых действий. Котик высунул морду из-под крыльца, куда они с матерью перебрались из сырой кладовки. После полумрака свет ударил по глазам не ласковым лучом, а тяжелой, плотной кувалдой. Боль была такой острой, что он зажмурился, заскулил и подался назад, врезаясь макушкой в материнский живот.— Смотри, — беззвучно сказала мать, просто шагнув на свет. Котик приоткрыл один глаз. Мир был выжжен. Цвета оказались слишком яркими, почти ядовитыми. Рыжая ржавчина на бочке для воды горела, как расплавленный металл. Зеленый мох на камнях слепил кислотной зеленью. А само небо было не голубым, как в щель под дверью кладовки, а слепящим, белым, выцветшим от боли.Он сделал шаг следом, и тут же отдернул лапу. Асфальт, прогретый скупым осенним солнцем, был обжигающим. Он привык к тому, что тепло — это всегда мягко. Тепло — это мать, одеяло, солнечное пятно на шерсти. Но это тепло было жестким. Оно жгло подушечки, и от него не было спасения, кроме как снова уйти в холодную тень крыльца. Мир оказался лживым.Мать, не оборачиваясь, скользнула к поленнице. Ее движения были текучими, она обтекала препятствия, прижимаясь к земле. Котик попытался повторить. Он тоже прижался к земле, распластался, пытаясь стать плоским, как его отра-

жение. Но его собственное тело предало его. Его лапы были слишком длинными. Суставы, которые так смешно болтались внутри коробки, теперь оказались слишком слабыми для твердой земли. Он не скользил — он ковылял. Каждый его шаг сопровождался громким, неуместным стуком когтей по асфальту. Он был шумным. Шумный кот — это мертвый кот. Эта мысль пришла не из ума, а откуда-то из позвоночника.Он добрался до поленницы, где мать уже устроилась в прогретой нише. Она пахла спокойствием. Котик попытался прижаться к ней, чтобы спрятать голову от этого невыносимого света. Но мать вдруг оскалилась. Не на него — на что-то над его головой. Ее спина выгнулась мгновенно, превратившись в тугую дугу. Шерсть встала дыбом, увеличив ее вдвое. Она издала звук, от которого у котика внутри все оборвалось — короткий, клокочущий вопль смертельной угрозы.Котик вжал голову в плечи. Он посмотрел туда, куда смотрели ее расширенные, черные от адреналина зрачки. Сверху, с края крыши, планировала тень. Но на этот раз это была не его тень и не тень матери. Это была огромная, бесшумная, распластанная в воздухе тень с желтыми горящими глазами. Ворон. Птица сложила крылья и с глухим стуком приземлилась на край поленницы, прямо над головой котика. Ворон был размером с самого котенка. Его клюв блестел, как стальной крюк. Он наклонил голову, рассматривая пришельца с холодным, хозяйским интересом. Для ворона этот котик с белым пятном на ухе был не чудом и не открывателем гра-

витации. Он был просто куском теплого мяса, который по неосторожности выполз на открытое место.Котик забыл, как дышать. Его лапы вросли в асфальт. Он смотрел в черный, блестящий глаз птицы и понимал: вот оно. Настоящее эхо. Эхо смерти. И оно смотрит прямо на него.Ворон переступил с лапы на лапу. Дерево под ним скрипнуло. В этот момент мать сделала то, чего котик никогда не видел. Она не бросилась бежать. Она не зашипела. Она просто сделала шаг в сторону, открывая ворону вид на своего сына, и тихо, утробно зарычала. Она предлагала хищнику его, первенца, как выкуп. Таков был закон улицы: если не можешь увести всех, спасай себя.Время для котика остановилось. Он смотрел на профиль матери, на ее напряженную спину, и в его груди впервые родилось нечто большее, чем страх. Там родилась тяжелая, вязкая, горячая ярость. Он был слишком большим, чтобы просто пищать. И у него уже были клыки.Котик с белым пятном на ухе не сдвинулся с места. Но он перестал вжиматься в землю. Он медленно, очень медленно поднял свою лапу. Не для того, чтобы ударить. А для того, чтобы поставить ее на асфальт с твердым, громким, уверенным стуком. *Тук.*Ворон моргнул. Его интерес к тихой добыче угас. Громкая, шумная добыча, которая не боится стучать когтями, — это всегда проблемы. Птица недовольно каркнула, взмахнула крыльями, обдав котика волной затхлого воздуха, и растворилась в слепящем небе.Мать тут же оказалась рядом, с силой вылизывая его ухо, снимая напряжение. Но котик этого

не чувствовал. Он смотрел на свои лапы. Он понял четвертую истину: солнце может бить наотмашь, тени могут убивать, а мать — предавать. Выживает не тот, кто прячется. Выживает тот, кто умеет вовремя стукнуть когтем по дереву.

Глава 10. Закон поленницы

Мать вылизывала его еще долго, но делала это механически, с раздражением. Ее шершавый язык теперь не успокаивал, а, казалось, пытался содрать с него белое пятно на ухе — метку, из-за которой, как думал котик, ворон выбрал именно его. Когда она закончила, она просто отвернулась и принялась за свою собственную шерсть, демонстративно повернувшись к котику спиной. На улице никто не празднует победу. Победа — это просто право прожить еще один час.Котик остался сидеть у поленницы. Его лапы все еще мелко дрожали, но внутри, там, где раньше жила только радость от танцующих пылинок, теперь пульсировал тяжелый, горячий уголек. Он посмотрел на свои когти. Они были выпущены от страха, но оставили на асфальте две глубокие, уверенные царапины. Мир впервые оставил на нем свой след, а он — на мире.Мать поднялась, потянулась, выгибая спину идеальной дугой, и спрыгнула с поленницы. Она не оглядывалась. Она просто скользнула в заросли лопухов у забора, растворяясь в запахах земли. Это был сигнал. Урок продолжался, но теперь учителя не было рядом.Котик остался один на один с двором. Солнце начало припекать сильнее, и асфальт перестал жечь лапы, превратившись в приятное, вибрирующее тепло. Голод снова напомнил о себе сосущей пустотой. Котик облизнулся, все еще чувствуя на языке привкус мыльной

воды и страха.Его внимание привлекла поленница.Снаружи она казалась монолитной стеной из потрескавшегося дерева. Но котик, проведший детство в картонной коробке, знал: любая стена имеет щели. Он подошел ближе и провел носом по основанию. Пахло сухой древесиной, прелой листвой и чем-то еще — сложным, мускусным запахом, от которого шерсть на загривке сама собой приподнялась. Здесь жил кто-то, кто не был ни кошкой, ни вороном.Он нашел щель. Она была узкой, едва ли шире его собственной головы, но она уходила вглубь, в благословенную, прохладную темноту. Котик припал к земле. В отличие от той нелепой попытки распластаться на асфальте, сейчас его тело само приняло нужную форму. Позвоночник стал гибким, как ивовый прут. Он просунул голову в щель.Внутри пахло мышами. И смертью.В нос ударил резкий запах аммиака и сухой, мумифицированной плоти. Глаза, уже привыкшие к полумраку после слепящего солнца, различили на земляном полу поленницы россыпь рыжеватых перьев и скелетик воробья. Это было логово. Логово чего-то, что охотится лучше кошек.Котик замер, вжимаясь в щель. Его вибриссы — усы — были направлены вперед, работая как сонар. Он не двигал головой, лишь едва заметно поводил ею из стороны в сторону. Кончики усов едва касались шершавых стенок дерева. Воздух в щели не стоял на месте. С левого края, из самой глубины, шел едва уловимый сквозняк. Там был выход. Или другой вход.И тут он услышал звук.Это не был писк. Это было сухое, ритмич-

ное шуршание, похожее на то, как быстро-быстро перебирают лапками по бумаге. *Шурх-шурх-шурх*. Звук шел снизу, из-под слоя старых, трухлявых поленьев. Котик знал этот звук. Так звучит страх. Так звучит добыча, которая знает, что ее уже услышали.Инстинкт ударил в голову сильнее, чем недавний страх перед вороном. Голод, ярость от предательства матери и осознание собственной силы слились воедино. Он перестал быть котенком, смотрящим на пылинки. Он стал тенью с клыками.Он втянул живот и начал протискиваться в щель. Дерево цеплялось за его влажную шерсть, сдирая ее клочьями, но он не чувствовал боли. Его глаза были прикованы к источнику звука. *Шурх-шурх-шурх*. Теперь к нему добавился тихий, панический стук маленького сердца, который котик чувствовал не ушами, а костями.Он просунул лапу под нижнее, самое гнилое полено. Когти вошли в труху, как в масло. Он потянул полено на себя. Оно поддалось с тяжелым, глухим вздохом, открывая темную нишу.Там, вжавшись в угол, сидел не мышонок. Там сидел молодой, еще глупый крысенок. Он был размером почти с самого котика, но его серая шерсть стояла дыбом, а черные глаза-бусинки были полны абсолютного, животного ужаса. Он не пытался убежать. Он просто стучал зубами и перебирал лапами, парализованный страхом.Котик не прыгнул. Прыжок — это шум. Он медленно, миллиметр за миллиметром, просунул голову в нишу. Он не шипел. Он просто смотрел. Он давал крысенку последнюю возможность услышать ту тишину,

которая наступает перед концом.Крысенок пискнул. Тонко, безнадежно.И в этот момент котик ударил. Это был не удар лапой. Это был бросок всего тела. Он влетел в нишу, подмяв крысенка под себя. Его челюсти сами нашли нужное место — не за шею, как у матери, а за хребет, у самого основания черепа. Челюсти сомкнулись. Хруст был коротким, влажным и окончательным. Острые новые клыки пробили тонкую кость.*Шурх-шурх-шурх* прекратилось. Стук сердца под его лапами затих.Котик замер, тяжело дыша. Пасть была полна теплой, соленой крови и жесткого меха. Вкус был не похож на молоко. Он был густым, железным и пьянящим. Это был вкус власти.Он не стал есть добычу сразу. Выпустив обмякшее тело, он выбрался из-под поленницы на свет. Его морда была испачкана в земле и крови. Белое пятно на ухе казалось теперь не меткой слабости, а меткой охотника. Он лег на теплый асфальт, положил лапу на труп крысенка и посмотрел на дверь дома дворника. Он больше не был тем, кого можно смыть в раковину. Он был тем, кто живет под поленницей. Он был законом.

Глава 11. Цена крови

Тишина, наступившая после хруста костей, была оглушительной. Она звенела в ушах котика громче, чем недавний карк ворона. Он выпустил добычу, но продолжал прижимать ее к земле тяжелой лапой, глядя на свои собственные когти. Они были красными. Это был первый раз, когда он увидел цвет, не принадлежащий миру травы или ржавчины. Цвет был внутри него, теперь он был снаружи. И он пах железом.Голод, гнавший его под поленницу, внезапно исчез. На его место пришло нечто иное — тяжелое, тянущее чувство в животе, которое не имело ничего общего с пустотой. Это была сытость, смешанная с брезгливостью. Мясо крысенка было жестким, пахло мускусом и страхом. Котик лизнул кровь на губе и тут же сморщился, тряхнув головой. Вкус победы оказался горьким.Мать появилась бесшумно. Она не спрыгнула с поленницы и не вышла из лопухов. Она просто возникла из дрожащего над асфальтом воздуха, ее пятнистый окрас идеально сливался с тенями. Она не издала ни звука. Она просто легла на живот в двух метрах от него и положила подбородок на лапы.В кошачьем мире нет аплодисментов. Урок был сдан. Теперь учитель ждал.Котик посмотрел на свою добычу. Крысенок лежал нелепо, подвернув длинный голый хвост. Он был слишком большим. Котик не смог бы унести его в зубах, не смог бы спрятать. Оставить его

здесь — значит бросить вызов всему двору. Это была декларация. «Я здесь. Я умею убивать. Я голоден».Он снова взглянул на мать. В ее желтых глазах не было гордости. Там было холодное, оценивающее спокойствие хирурга. Она смотрела не на крысенка. Она смотрела на пасть своего сына.Котик понял. Урок охоты не заканчивается смертью жертвы. Он заканчивается тем, что ты делаешь с ней потом.Он снова наклонил голову. На этот раз движения не были резкими. Он действовал инстинктивно, повторяя то, что тысячи лет делали его предки. Он вцепился зубами в шкурку на животе крысенка. Она поддалась с сухим треском, как старая ткань. Запах стал невыносимым — густым, сладковатым, внутренне-сырым. Котик дернул головой, разрывая плоть. Теплые, скользкие внутренности вывалились на пыльный асфальт. Это было отвратительно. Каждая клетка его тела кричала, что нужно бросить это, уйти, вылизать рот дочиста и забыть. Но желтые глаза матери были прикованы к нему. В них читался закон: *Ты пролил кровь. Теперь ты должен забрать силу.*Он заставил себя лизнуть. Вкус был таким мощным, что его качнуло. Это была не просто кровь. Это была концентрированная жизнь: остатки не переваренного зерна из желудка крысенка, тепло его печени, соленость мышц. Мир перед глазами поплыл. Котик задыхался, давился, но продолжал есть, отрывая куски жесткого, лишенного жизни мяса. Он ел не потому, что хотел, а потому, что должен был принять жертву. Чтобы стать тем, кто убивает, нужно впустить

в себя того, кого убили.Когда от крысенка остался только скелет, обтянутый серой кожей, и длинный хвост, котик отпрянул. Его морда, грудь и передние лапы были покрыты запекшейся кровью и грязью. Его собственный желудок был туго набит чужим страхом. Его начало мутить.Мать медленно подошла. Она не коснулась его. Она лишь коротко, одобрительно фыркнула носом и, развернувшись, направилась к щели под крыльцом. Котик остался сидеть над останками. Солнце, которое раньше было ласковым, теперь безжалостно освещало его преступление. Он поднял лапу, чтобы вылизать ее, но остановился. Из-за угла забора, привлеченный запахом свежей крови, показался Барон.Это был не кот. Это был местный царь, огромный, одноглазый рыжий котище без одного уха. Его шкура была испещрена шрамами, а оставшийся янтарный глаз смотрел на мир с ленивым презрением убийцы. Он передвигался враскачку, тяжело ступая широкими лапами, каждая из которых была размером с голову котика. Барон не охотился на мышей. Барон забирал добычу у тех, кто посмел охотиться на его территории.Он остановился в пяти шагах. Он не шипел. Он просто смотрел. Котик с белым пятном на ухе сидел над своим первым трупом. Его лапы дрожали от переедания, а в животе поднималась тошнотворная волна. Он был слаб, он был болен, он был вымазан в крови, как мясник. У него не было сил бежать. У него не было сил драться.Но у него был крысенок. И он был его по праву клыка.Котик не стал ждать, пока Барон подой-

дет ближе. Он сделал то, что не должна делать жертва. Он сделал то, что секунду назад сделала с ним его собственная мать. Он сам пошел на врага.Он шагнул вперед, прямо на кости крысенка, низко опустив голову. Его хвост распушился до предела, делая его почти вдвое шире. И он издал звук. Это не был писк испуганного детеныша. Это был хриплый, рваный, идущий из самого набитого желудка рык. Звук был ужасен — он срывался на кашель, в нем не было уверенности взрослого кота, но в нем была абсолютная, самоубийственная готовность умереть прямо сейчас, но не отдать ни грамма чужой крови.Барон моргнул своим единственным глазом. Он ожидал увидеть испуганного котенка, который бросится врассыпную. Вместо этого он увидел окровавленного демона, который пах смертью и был готов убивать снова, даже если для этого ему придется разорвать самого себя изнутри. Огромный кот медленно, очень медленно попятился. Он не показал страха. Он просто признал, что добыча, пахнущая так, пахнет не страхом, а безумием. А безумие — это слишком дорого даже для царя.Когда Барон скрылся за забором, котик с пятном на ухе рухнул на землю там, где стоял. Его вырвало. На асфальт, рядом с костями крысенка, вывалился полупереваренный ком шерсти и крови. Мир перестал быть черно-белым. Он стал багровым. И котик понял последнюю, пятую истину этого дня: настоящая охота начинается не тогда, когда ты убиваешь. Она начинается тогда, когда ты готов защищать свой кусок мяса от короля, даже если твой соб-

ственный желудок выворачивает наизнанку.

Глава 12. Под крыльцом

Тошнота отступила, оставив во рту медный привкус и вязкую слабость. Котик лежал на остывающем асфальте, и каждый удар сердца отдавался болью в набитом, судорожно сжимающемся желудке. Тело хотело исторгнуть чужую, мертвую жизнь, но инстинкт, холодный и безжалостный, приказывал удерживать ее внутри. Это была его сила. Его право на эту территорию.Солнце начало клониться к западу, теряя свою обжигающую яркость. Двор погрузился в длинные, безопасные тени. Котик заставил себя подняться. Лапы были ватными, а белое пятно на ухе запеклось темно-бурой коркой. Он больше не был тем чистым, радующимся жизни комком, что родился в коробке. Он стал частью грязи, крови и запаха страха. И впервые это не казалось ему неправильным. Это казалось единственно возможным.Он подошел к щели под крыльцом. После яркого света дня здесь, внизу, царила абсолютная, бархатная чернота. Воздух пах влажной землей, кошачьей шерстью и старым, сухим деревом. Это был запах дома. Настоящего дома, который не смоешь в раковине.Котик просунул голову внутрь. Его глаза, привыкшие к полумраку поленницы, начали различать детали. Пространство под крыльцом было огромным, выше его роста. Земляной пол здесь был плотно утрамбован тысячами шагов. В дальнем углу, на старом, изъеденном молью ватном одеяле,

свернулся клубок. Это была мать. Рядом с ней, прижавшись друг к другу, спали его братья — сытые, гладкие, пахнущие только молоком и безопасностью. Они еще не знали запаха крысы.Мать подняла голову. Ее желтый глаз сверкнул в темноте. Она видела его — окровавленного, воняющего чужой смертью, шатающегося от слабости. Она видела своего первенца. Она не заурчала. Она лишь чуть подвинулась на одеяле, освобождая место у своего теплого бока.Котик вошел. Когда он переступил порог, братья проснулись. Один из них, тот самый, что в детстве любил жевать одеяло, поднял голову и потянул носом. Его глаза расширились от ужаса. Запах, исходящий от котика, не принадлежал семье. Он пах Бароном, пах болью и железом. Брат тонко, испуганно пискнул и, спотыкаясь, пополз в самый дальний, темный угол, поджимая хвост. Остальные последовали за ним. Они отползали от него, как от прокаженного. Для них он перестал быть братом. Он стал чужаком, принесшим в их колыбель запах смерти.Котик не стал их разубеждать. Он прошел мимо них, и братья вжались в землю, дрожа. Он лег на одеяло рядом с матерью, положив тяжелую голову на лапы. Она тут же начала его вылизывать. Но это было не материнское умывание. Это был ритуал очищения. Ее жесткий язык прошелся по его морде, сдирая корку крови с белого пятна. Она вылизывала его шею, плечи, смыкая челюсти так, что он чувствовал ее клыки — не в игре, а в жесткой, утверждающей хватке. Она снимала с него запах Барона, заменяя его своим. Она гово-

рила всему миру и своим другим котятам: *Он мой. Вся кровь, что на нем, — это моя кровь. Он прошел испытание.* Под ее языком котик наконец расслабился. Боль в животе утихала, сменяясь тяжелым, свинцовым теплом. Он проваливался в сон, но этот сон был иным. В нем не было танцующих пылинок.Ему снилось, что он и есть поленница. Он чувствовал шершавость каждого бревна своей кожей. Он чувствовал, как под ним, в сырой земле, ворочаются крысиные хвосты. Он был стражем. Он был темной щелью, куда боится заглянуть солнце. Он был законом двора.Он проснулся глубокой ночью от того, что мать встала. Она перешагнула через него — теперь он занимал почти половину одеяла — и бесшумно выскользнула наружу. Охота. Ее время.Котик остался один. Братья тихо посапывали в своем углу, источая запах детского неведения. Котик прислушался. Снаружи пела ночная птица, где-то далеко по трассе пронеслась машина, обдавая ветерок запахом гари. Он поднялся. Его тело больше не болело. Напротив, оно было наполнено странной, звенящей энергией. Он подошел к выходу из-под крыльца. Двор был залит холодным, серебряным светом полной луны. Каждая травинка, каждый лист лопуха отбрасывали четкую, черную тень. Это был мир контрастов, мир правильных линий. Котик с пятном на ухе вышел на середину двора. Он не крался. Он шел, высоко подняв хвост. Он подошел к тому месту, где днем лежал скелет крысенка. Кости уже кто-то утащил, но на асфальте все еще темнело высохшее пятно. Ко-

тик остановился. Он поднял лапу и выпустил когти. Они со стуком вонзились в старый асфальт, оставляя четыре глубокие лунки. Он не был больше котенком, открывающим глаза. Он не был жертвой, которую моют в раковине. Он опустил лапу, понюхал свои когти, пахнущие пылью и силой, и издал тихий, вибрирующий звук. Это не был рык и не был мяв. Это было низкое, горловое ворчание, которым звери заявляют права на свою землю. Этот двор больше не был просто местом, где он родился. Теперь это была его территория. И завтра, когда взойдет солнце, он первым пойдет проверять границы. Мать научила его убивать. Теперь ему предстояло научиться править.

Глава 13. Границы

Рассвет в октябре серый и липкий, как мокрая газета. Он не приносит радости, он лишь обнажает вчерашнюю грязь. Котик проснулся за мгновение до того, как первый луч коснулся крыльца. Он проснулся не от голода и не от холода, а от смены давления в воздухе. Мать еще не вернулась, братья сопели в своем углу, но он уже стоял у выхода, вслушиваясь в тишину.Тишина была обманчива. Она состояла из сотен невидимых нитей. Вот тонко звенит паутина на ржавой лопате. Вот шуршит мышь под прошлогодней листвой в пяти метрах левее. Вот тяжело, с присвистом дышит старый Барон на теплом капоте соседской машины. Котик знал это не ушами — вибриссы на его морде, усы, чувствовали плотность воздуха, а подушечки лап улавливали микровибрации земли.Он вышел из-под крыльца. Его тень, длинная и серая, скользнула впереди него. Сегодня он не будет красться за матерью. Сегодня он пойдет один.Первым делом — вода. Источник жизни и главная точка конфликта. Он направился к старой железной бочке у сарая. Подойдя к ней, он не стал сразу пить. Он обошел ее по кругу, низко опустив голову. На влажной земле у кромки воды он увидел их. Следы. Огромные, круглые отпечатки лап Барона, перекрывающие все остальные. Рядом — мелкие, суетливые метки соседского Тузика, глупого терьера, который заходил на эту террито-

рию только когда Барон спал. И поверх всего — свежие, глубокие борозды от когтей его матери. Это была газета двора. И на первой полосе было написано, что место у воды — спорное.Котик подошел к самой кромке. Он не стал лакать воду. Он опустился на живот, вытянул шею и, приоткрыв пасть, обнажил клыки в беззвучном шипении прямо в темное, отражающее его морду зеркало воды. Он бросал вызов своему отражению, он бросал вызов Барону, он бросал вызов всему миру. *Это мое.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.